

Наш собеседник – Любовь Глебова, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора).

Новый тренд времени: установка на качество образования

Любовь Николаевна, как изменилось отношение государства к методологии и технологии оценки качества образования в последние годы?

– 15-20 лет назад образовательная политика в нашей стране развивалась как политика создания условий для развития сети образовательных учреждений. Институты в одночасье превращались в университеты: вечером молодой человек мог лечь спать студентом института, а утром проснуться студентом университета. И очень мало кто заботился при этом о том, чтобы качество преподавания в этом университете было существенным образом изменено. Увы, при создании негосударственных образовательных учреждений редко задумывались о том, что для получения результата нужны традиции. Наивно предполагали, что стоит лишь пригласить профессора из университета, предложить ему читать лекции один

раз в неделю в другом университете, и у студента этого нового университета будет формироваться та традиционная школа, из которой пришел профессор. В этих условиях качество образования было далеко не первейшим делом.

Теперь времена изменились. Процессы, которые сегодня называются оптимизацией сети образовательных учреждений, оптимизацией процедур оценки и контроля качества образования находятся под пристальным вниманием руководства нашей страны, управленцев и политиков самого высокого ранга. Вот и Единый государственный экзамен, внедряемый с 2000 года, когда качество еще не было реальным требованием времени и условием существования системы, по сути, представляет собой не что иное, как инструмент контроля качества образования.

– А кого в современной социальной системе вы считаете носителями требований к качеству образования – педагогическое сообщество, родителей, управленцев образования, работодателей?

– Именно в силу предшествующего периода, о котором я говорила, и педа-

гоги, и родители сегодня меньше всего выступают носителями требований качества образования. Главным образом это требование исходит от работодателей, нуждающихся в высокопрофессиональных кадрах.

У нас падают самолеты, взрываются промышленные объекты. И общество видит истоки этих рисков и трагедий в низкой квалификации профессиональных кадров. Сегодня педагоги и родители, когда слышат, что упал очередной самолет, казалось бы, понимают – надо, чтобы школьник хорошо учился, и только при этом условии он станет когда-нибудь высококвалифицированным летчиком. Но как только речь заходит о вполне конкретном ребенке этого родителя, начинаются совершенно другие рассуждения: «Так, он у меня плохо учится почему? Во-первых, слабенький. Во-вторых, учитель ему попался плохой. Надо же все это учитывать». И у родителя непроизвольно рождается желание, чтобы качество образования, которое, в общем и целом, он принимает как идеологию жизни, не касалось бы его собственного ребенка.

С педагогической средой – еще сложнее. Учительнице много лет рассказывали, что она отвечает за то, чтобы ее ученик после школы поступил в высшее учебное заведение. Она обязана его привести к определенному набору знаний, умений, навыков, а уж на каком уровне качества она это делает, – «не лезьте, я сама разберусь». И в этом смысле неприятие педагогической средой родительской средой, вопросов объективной оценки качества образования – это процесс естественный. Бесмысленно в нем винить конкретного учителя или родителя.

– Тогда очень грустная картина получается...

– Почему? К примеру, у меня болит голова. И я для себя пока еще не определила, почему она болит. Но мне нужна эта грустная картина, чтобы я больше не пребывала в состоянии своего собственного успокоения, а поняла реальный источник своей головной боли и попыталась устранить его.

Родителю нужно точно знать, каков объективный массив знаний в голове у его ребенка, для того, чтобы, например, не пытаться из потенциального хорошего парикмахера или модельера одежды вырастить, скажем, специалиста по атомной физике. Вот для этого родителю и нужна эта объективная картина. Она нужна учительнице для того, чтобы она не мучилась с ребенком, родители которого непременно хотят видеть в нем великого пианиста, а могла бы сказать им: «Вот качество знаний вашего ребенка. Я же оперирую теми педагогическими возможностями его развития, которые у меня есть».

Отсюда и следует, что чем более ранней будет диагностика качества образования конкретного ученика, тем менее грустной будет впоследствии картина и для родителей, и для учителей. Поэтому я, например, считаю, что смелость любого общества будет заключаться в том, чтобы иметь объективную, ясную, прозрачную и понятную картину качества знаний ученика, а не пытаться сделать ее таковой, чтобы она нравилась всем.

Требования к качеству образования на сегодняшний день, повторяю, это требование времени. Общество созрело для того, чтобы получать эту объективную картину и обеспечивать должное качество образования. Посмотрите, работодатели пытаются устраивать квалификационные экзамены, чтобы отобрать тех выпускников вузов, которые им подходят. Вузы пытаются, так или иначе, получить свой позитив от Единого государственного экзамена. Вузовское сообщество – ущемленное звено в этом смысле. Оно субъективно не является носителем этой потребности в силу того, что ослаблен механизм его влияния на поступление в вуз.

– Работодатели из различных отраслей экономики действительно активно демонстрируют свой интерес к повышению качества образования. По их инициативе, к примеру, составляются рейтинги вузов...

– Пока еще существуют только ростки подобного интереса, но они уже видны. Вот первая тенденция. Есть, к примеру, система образовательных учреждений железнодорожного транспорта. В свое время этих учреждений породили столь-

Смелость любого общества будет заключаться в том, чтобы иметь объективную, ясную, прозрачную и понятную картину качества знаний ученика, а не пытаться сделать ее таковой, чтобы она нравилась всем.

ко, что там уже учат и юристов, и медсестер, и прочих, и прочих. Сейчас, задумавшись об эффективности собственных расходов, железнодорожники задались вопросом: «Зачем мы этот воз на себе везем? В своем университете тратим деньги на общую экономику, а нам нужна экономика железнодорожная. Лучше на эти 100 рублей мы специалистов для своей отрасли подготовим». То есть начался обратный процесс. Непрофильные направления подготовки начинают уходить из профильных вузов.

Вторая тенденция обнаруживается в действиях работодателей. Она связана с поиском исполнителя не в своей системе, а на стороне. Например, возьмем нанотехнологии. В этой сфере тоже есть профильные образовательные учреждения. Но работодатели объявили конкурс на те вузы, где качественно готовят специалистов по нанотехнологиям. И они сами начинают сравнивать эти вузы. А казалось бы, куда легче сказать: «Так, у нас будет свой университет, и только здесь будут готовить профессионалов в области нанотехнологий». Но тенденция времени говорит: «Зачем делать еще одно образовательное учреждение? Пусть вузы конкурируют между собой с точки зрения предложения лучших условий для подготовки таких специалистов».

Участие работодателя в подготовке качественных специалистов для своей отрасли декларировалось давно. И требование ввести представителя работодателя в состав государственной аттестационной комиссии давным-давно существует. Но этот механизм заработал только сейчас, так как в этом есть настоящая потребность времени.

– Давайте еще раз обратимся к мотивации школьников, студентов, выпускников вузов. Сформировалась ли у них потребность в получении качественного образования?

– Кризис, как ни парадоксально, позитивно повлиял на их мотивацию. Если раньше студент рассуждал так: «Да ладно, мне без разницы. У меня будет диплом о том, что я инженер такой-то, а устраиваться-то на работу я все равно буду по протекции. И там меня уже будут доучивать!». Сегодня же ситу-

ация изменилась. Кого работодатель в условиях кризиса в первую очередь сократил? Тех, кто не имеет профессиональных компетенций. Нужных-то работников оставили, так как бизнесу надо жить и выживать. Те же, кто с купленными или полученными в слабом вузе дипломами, остались за бортом. И те, кто идет сегодня получать образование, уже понимают: «Если кризис еще раз разразится, меня тоже выкинут? Нет, мне надо готовиться к тому, чтобы быть нужным и востребованным».

Абитуриенты уже в процессе выбора того или иного вуза начинают становиться оценщиками качественного или некачественного образования. Например, была опасность в 2009 году, когда ЕГЭ входил в штатный режим, что все платное образование рухнет. Потому что все абитуриенты выберут неважно какой вуз – лишь бы бесплатный. Этого не произошло. Знаете, почему? Когда второй этап зачислений шел, абитуриент делал выбор в пользу возможности платного обучения, например, в Высшей школе экономики, нежели в каком-то другом образовательном учреждении, где, он понимал, что получит уровень образования на порядок ниже. Он рассуждал так: «Я вкладываю деньги. Но у меня появилась возможность получить то образование, которое потом гарантирует мне работу, с которой я не вылечу в первый же год, куда меня не мама-папа или дядя приведут, а сам работодатель пригласит». Это означает, что за качество образования потребитель готов платить. За КАЧЕСТВО образования, не за любое образование.

– Можем ли мы констатировать, что потребитель сегодня готов инвестировать в свое образование?

– Да, инвестировать в себя. Я могу абсолютно аргументированно заявить о существовании нового тренда государственной образовательной политики – тренда на «качество образования».

Но для того, чтобы понимать, что такое качественное образование и как его давать, нужно точно понимать, с чем мы имеем дело. И тут уже важно внимание к этому вопросу со стороны

Абитуриенты уже в процессе выбора того или иного вуза начинают становиться оценщиками качественного или некачественного образования.

экспертов. Мы не раз уже собирались с разными коллегами, которые десятилетиями занимаются системой оценки качества образования. Они спорят: спорят о том, что представляет собой необходимый минимум знаний, спорят о том, может ли быть приравнен этот минимум к качеству образования, какие могут быть уровни качества, что такое сравнение по качеству, что такое оценка эффективности и как качество влияет на оценку эффективности. Конечно, схематично или механически измерить качество нельзя. Потому что, например, измерять гуманитарность того или иного качества образования методами и способами, которые дают конкретные измерения, совершенно невозможно. Именно поэтому столько споров вокруг КИМов по истории, по литературе, возможностям оценить творческие способности. А кто сказал, что инструментарием оценки качества являются только механические формы оценивания? Они бывают очень разные. Международный, да и наш собственный опыт дает нам и экспертные оценки, и социологические оценки, и рейтинговые оценки, и разные другие виды оценок.

Еще раз вернусь к мысли о том, что особенностью сегодняшнего дня является востребованность этого нового языка – оценка, рейтинг, сравнение – в нашем управленческом лексиконе. Это не очередная мода, придуманная в каком-то кабинете в районе Садового кольца. Это, действительно, реально сформированная потребность и личности, и общества, и государства. А с какой скоростью сумеет отреагировать научный и управленческий потенциал страны на реализацию этой общественной потребности – вот это уже вопрос дальнейшего формирования образовательной политики государства. И то, что, несмотря на неприятие слов «Единый государственный экзамен», государство проводит политику его расширения, развития и совершенствования, говорит о том, что во главу угла образовательной политики

сегодня ставится установка на достижение качественного образования.

– Сколь велика, на ваш взгляд, роль Рособнадзора в осуществлении контроля качества образования?

– Несмотря на то что я являюсь руководителем этого ведомства, я бы не преувеличивала историческую миссию Рособнадзора в этом вопросе. У контрольно-надзорного органа, безусловно, есть инструменты, которыми можно фиксировать уровень любого образовательного учреждения по поводу достижения того или иного уровня качества образования. В высшем профессиональном образовании при проведении аккредитационной процедуры мы оцениваем выпускника, но мы не оцениваем процесс его обучения с точки зрения правильности или

неправильности примененных инструментов контроля качества образования. Мы оцениваем, насколько соответствуют нормам и правилам, заложенным в законах или других подзаконных актах, действия того или иного образовательного учреждения.

Контрольно-надзорные функции, безусловно, являются стимулом к тому, чтобы деятельность любого образовательного учреждения им же самим была оценена с точки зрения требований

времени. Поэтому работа контрольно-надзорного органа должна быть такой, чтобы образовательное учреждение готовилось к проверке не с точки зрения того, как принять контролера, а так, чтобы этот контролер не нашел бы доказательства неполноценности образовательного учреждения.

И в этом смысле, конечно же, сильная контрольно-надзорная функция, которую сейчас Владимир Владимирович Путин со всей полнотой и решительностью воплощает в жизнь государства – это именно проявление доказательства наличия требования времени к качеству образования. Не случайно мы системно занялись оптимизацией наших процедур: лицензирование, аккредитация и т.д. Мы их проинвентаризовали и пос-

Оптимизация контрольно-надзорных процедур направлена на то, чтобы качество образования было главным критерием в расстановке приоритетов в тех процессах, которые происходят в том или ином образовательном учреждении.

мотрели, что в них избыточно, а чего недостает.

Оптимизация контрольно-надзорных процедур направлена на то, чтобы качество образования было главным критерием в расстановке приоритетов в тех процессах, которые происходят в том или ином образовательном учреждении. И в этом смысле Рособрнадзор выполняет лишь одну из функций, которая на данный момент при отсутствии других рычагов играет роль своего рода локомотива в модернизации образования.

Рособрнадзор всегда вносит предложения по созданию, апробации и развитию разных инструментальных оценок качества образования. Но у нас приоритетна функция контроля и надзора за качеством образования. Функция оценки, несомненно, также весьма велика. И дело Рособрнадзора заключается в том, чтобы удерживать функцию оценки в фокусе внимания не для того, чтобы оставить ее только за собой, а для того, чтобы дать возможность другим институтам включиться в ее исполнение. Так, например, мы включаем в законопроекты и общественно-профессиональную оценку, и развитие квалификационных центров у работодателей. Казалось бы, мы в этом совершенно не заинтересованы. Ведь может быть и такая ситуация – аккредитацию вузу Рособрнадзор дал, а потом квалификационный центр,

который имеется у работодателя, не подтвердил должный уровень качества образования. Значит, аккредитацию будем давать более тщательно.

– В завершении мне хотелось бы задать вам вопрос как члену редакционного совета нашего журнала. Какие, на ваш взгляд, темы, связанные с формированием образовательной политики, необходимо в ближайшее время осветить на его страницах?

– Прежде всего, надо готовить педагогическую среду к восприятию изменений, к новым требованиям, которые время предъявляет к их профессии. Именно эту тему хотелось бы поднять на страницах нашего журнала – тему готовности или неготовности педагогической среды к восприятию своей миссии, к тому, чтобы она объективно и честно оценила, насколько она соответствует этой миссии в нашем изменившемся обществе.

На страницах журнала «Образовательная политика», который будут читать педагоги, они вовсе не должны видеть попыток корпоративной защиты их интересов. Со страниц этого журнала педагогическому сообществу нужно разъяснять их предназначение и ответственность в условиях возросших требований государства к качеству образования в нашей стране.

